

Стихотворение А. С. Пушкина
Недавно я в часы свободы ...
(к проблеме: Пушкин и *Слово о полку Игореве*)

Марина Жукова

В свое время И. Новиков отмечал парадоксальный факт: полную неразработанность такой значимой для русской культуры темы как “Пушкин и *Слово о полку Игореве*”. “Беглые упоминания исследователей на эту тему, — писал он, — сводятся почти исключительно к тому, что Пушкин говорит о Бояне и его гусях в *Руслане и Людмиле* и в стихотворении 1826 г. или упоминает известное выражение из *Слова* — “свычайи и обычайи” — в *Капитанской дочке*” (Новиков 1951: 9). С тех пор положение будто бы изменилось и, как констатируется исследователями, “исключительный интерес Пушкина к величайшему памятнику древнерусской литературы не нуждается в доказательствах” (Прийма 1980: 157). Как известно, продуманные высказывания Пушкина о древней поэме появляются с 1829 г. В 1832 г. происходит его знаменитый диспут о подлинности *Слова* с профессором М. Т. Каченовским. Наконец, в 1836 г. Пушкин приступает к систематическому изучению поэмы и готовит ее комментированное издание. Вокруг пушкинских заметок и высказываний о *Слове* сложилась целая литература. Тем не менее, ряд вопросов остается без ответа (см. об этом: Сахаров 1988: 308), а главное — “неясно одно: когда именно возникает у поэта самозабвенная увлеченность этим памятником?” (Прийма 1980: 157).

В настоящей статье делается попытка внести определенный вклад в разработку этого вопроса. При этом в качестве метода

исследования используется поиск возможных параллелей и реминисценций *‘Слова в стихотворении Пушкина Недавно я в часы свободы ...* (см. наши тезисы: Жукова — Жуков 1996), которое в данном аспекте еще не привлекало к себе внимания исследователей (ср., например, трактовку стихотворения в: Друзья Пушкина 1985, т. 2: 13—14).

В начале несколько слов о предыстории создания этого стихотворения, написанного в 1822 г. на юге, очевидно, в Кишиневе, по поводу вышедшей в свет книги Дениса Давыдова *Опыт теории партизанского действия* (М., 1821). Известно, что в январе 1821 г. Денис Давыдов по личным делам отправился в Киев и по дороге завернул в Каменку, где встретился с Пушкиным. При этой встрече Пушкин прочитал Давыдову еще не отделанное стихотворение *Певец-гусар ты пел биваки ...* (Пухов 1984: 114—119). Книга Давыдова, ставшая поводом для написания стихотворения *Недавно я в часы свободы ...*, была напечатана несколько позже, летом 1821 г., в Москве, а давыдовское стихотворение *Песня старого гусара* (1817 г.), которое пародирует Пушкин, появилось в четвертом номере журнала “Соревнователь просвещения и благотворения” за 1819 г.

Известны две редакции, которые дают представление о том, как Пушкин работал над шестью заключительными строками, создающими портрет гусара-гуляки. В окончательном варианте они звучат так:

И вдруг растрепанную тень
 Я вижу прямо пред собою,
 Пьяна, как в самый смерти день,
 Столбом усы, виски горою,
 Жестокой ментик за спиною
И кивер чудо на бекрень.

Как отмечают комментаторы, все эти стихи представляют собой стилизацию слога Дениса Давыдова, причем выделенная курсивом последняя строка — это измененная цитата из давыдовской *Песни старого гусара*: “Кивер зверски набекрень, Ментик с вихрями играет” (Давыдов 1984: № 38, 85-86). В черновом пушкинском автографе читаем: “Блестящий ментик за спиною *И кивер зверски на бекрень*” (Пушкин, Акад. изд., II: 2, 789).

В том и другом случае упоминаются две детали гусарского костюма — *кивер* (головной убор из твердой кожи с козырьком, султаном из перьев и металлическим шишаком) и *ментик* или *ментия* — красного или голубого цвета короткая куртка с меховой опушкой, надеваемая поверх гусарского мундира (доломана), обычно расшивалась цифровкой (позументами) и кутасами (шнурами с кистями) и носилась в рукава или внакидку на левом плече (Манзей 1859: 9, 41). Вот одно из описаний знаменитого портрета гусарского полковника Давыдова кисти О. А. Кипренского из собрания Государственного Русского музея: “Перед нами молодой темпераментный гусар, изображенный почти во весь рост. Опираясь на массивный каменный парапет, весь в горении ярко-красного с золотыми шнурами и позументами ментика, в белых, ярко-сияющих чакчирах, стоит он, лихо избоченившись, изящно скрестив ноги, придерживая сильной рукой походную саблю. [...]. Касясь черных лакированных гусарских сапог с характерным вырезом и кисточкой, висит того же цвета, что и ментик, гусарская сумка — ташка. Поодаль, слева, на ступени парапета, лежит черный кивер с лакированным козырьком, кистями и трехцветным султаном из черных, белых и оранжевых перьев...” (Зименко 1959: 65). Мы так подробно останавливаемся на этих деталях, поскольку даже современникам было трудно

разобраться в особенностях одевания гусара, которое к тому же подвергалось частым изменениям. Вспомним прутковское: “Если хочешь быть красивым, поступи в гусары”. Трудности испытывали не только штатские. Надежда Дурова восклицает в своих записках: “Может ли пехотный офицер знать в тонкости все принадлежности гусарского мундира ...?” (Давыдов, Дурова 1985: 368). На гусарский мундир и покупку лошади требовалось 2000 рублей, поэтому когда Барклай-де-Толли дал ей всего 500 рублей, кавалерист-девица решила перейти в уланы. “На эти деньги по одному только чуду можно было сделать гусарский мундир ...”, — вспоминает Дурова (Давыдов, Дурова 1985: 381). Подобная расточительность возмущала Н. М. Карамзина: “... мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? И чего стоит мундир! Полки красятся не одеждою, а делами,” — восклицал автор знаменитой *Истории* (Карамзин 1991: 76). Слабым утешением было то, что такие же дорогие мундиры были и у противника. Денис Давыдов вспоминает о кампании 1806 г.: “От суровости времени года в сию кампанию не глядели за формою, и мы все то носили, что более другого грело. Я было надел на себя лейб-гусарский ментик, но меня уговорили снять его, дабы избежать опасности быть ранену или убиту от своих, потому что в корпусе Бернадота, который в то время ближе других находился к нам, был 10-ый гусарский полк, носивший красные ментики, подобно лейб — гусарскому полку” (Давыдов, Дурова, 1985: 210). Еще более курьезны воспоминания Давыдова о 1812 г. Он пишет: “Сколько раз я спрашивал жителей ... : “Отчего вы полагали нас французами?” Каждый раз отвечали они мне: “Да, вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одёжу схожо.” — “Да разве я не русским языком говорю?” — “Да ведь у них всякого сбора люди!” Тогда я на опыте узнал,

что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приравниваться к ней в обычаях и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным” (Давыдов, Дурова 1985: 55). Заметим, что такая привычка у Давыдова появилась не вдруг. Еще в 1810 г. во время войны с Турцией он посвятил графу П. А. Строгонову стихотворение в благодарность за полученный в дар чекмень. В стихотворении были следующие строки:

Но мне ль, любезный граф, в французском одеянье
Явиться в авангард, как франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батыя
И за чекмень прими его стихи дурные!

Конечно, потомку Батыя (как известно, родоначальником Давыдовых в 15 веке явился выходец из Большой Орды мурза Минчак) негоже было предстать в бою галантным любовником из комедии Бомарше *Севильский цирюльник* (Давыдов 1984: № 12, 200).

Вернемся, однако, к стихотворению Пушкина. В нем наше внимание привлекла замена (в окончательном варианте) эпитета *блестящий на жестокой*. “Я слышу топот, слышу ржанье. — Блеснув узорным чепраком, В блестящем ментии сияньи Гусар промчался под окном...”, — читаем в другом месте у Пушкина (Словарь языка Пушкина, II: 560, *Ментия*). Очевидно таким образом, что замена в данном случае произведена не случайно. В связи с этим интересно сравнить эпитеты, которые в данном словосочетании употребляли другие поэты. Например, в стихотворном послании Д. В. Давыдову (Давыдов 1987: 434) Семен Стромиллин — автор песен *Зачем сидишь ты до полночи и*

То не ветку ветер клонит — пишет:

Люблю тебя! В пылу сражений
 Ты грудь булатную калил,
 И в лагерь музу песнопений
 Под пестрым ментиком водил.

Как видим, в данном случае употреблено прилагательное *пестрый*, то есть — расшитый шнурами и позументами. Что касается пушкинской замены, то составителями словаря (Словарь языка Пушкина, I: 787) *жестоккой* в данном словоупотреблении трактуется как метафора в значении “бесчеловечный, не знающий снисхождения, безжалостный”, и таким образом *жестоккой ментик* ставится в один ряд с словосочетаниями типа *жестоккий меч*. Однако, как мы видим из текста, речь идёт о детали мундира, а отнюдь не о холодном оружии. Попробуем предложить свою версию, по которой слово *жестоккой* понимается в своем другом (устаревшем) значении, а именно: “жесткий, твердый, прочный, крепкий” (Виноградова 1967, вып. 2.: 80). Прежде всего для нас важно, в каком значении эпитет *жестоккий* встречается в стихах самого Давыдова, поскольку, как уже отмечалось, Пушкин в данном случае имитирует давыдовский стиль. Приведем два примера из давыдовских стихотворений 1804 г. (Давыдов 1984: 57—59):

Среди копий и мечей,
 Бурцов, ты — гусар гусаров!
 Ты — на ухарском коне —
 Жесточайший из угаров
 И наездник на войне!

Бурцов, брат! Что за раздолье!
 Пунш жестокий! ... Хор гремит!

Итак, Давыдов употребляет данный эпитет в значении “крепкий, стойкий”, что косвенно говорит в пользу нашего

предположения. Перейдем теперь непосредственно к нашей гипотезе, которую можно сформулировать так: рассматриваемые пушкинские строки являются аллюзией фразы из *Слова о полку Игореве*: “Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалужѣ скована”. В переводе В. Жуковского (поэт работал над ним в 1817—1819 гг.): “Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано”. В переводе Н. Заболоцкого: “Ваше сердце в ковanej броне”. Слово *харалуг* до сих пор является гапаксом, однако, существует определенное семантическое поле, допускающее контекстуальную трактовку “воинский доспех, броня”, что, как видим, отразилось в вышеуказанных переводах.

Меня “блестящий” на “жестокой” во второй редакции стихотворения, Пушкин не только добивается простого комического эффекта (ибо от чего может защитить ментик?). В стихотворении, на наш взгляд, появляется второй план: давидовская *Песня старого гусара* сопоставляется с “Золотым словом Святослава” — известным отрывком из *Слова о полку Игореве*, где — единственный раз во всем произведении — встречается словосочетание “жестокий харалуг” (см. Виноградова 1967, вып. 2: 80—82). Кстати, по воспоминаниям современников, Пушкин проявлял особый интерес к этому слову. Однажды студент О. М. Бодянский (будущий славист) доказывал, как и Каченовский, подложность *Слова о полку Игореве*. Пушкин с живостью обратился к Бодянскому и спросил: “А скажите, пожалуйста, что значит слово харалужный?” — “Не могу объяснить”. [...] “То-то же, говорил Пушкин, никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят” (Новиков 1951: 113). Сравним теперь выбранные строки из *Песни старого гусара* с отрывками из “Золотого слова Святослава”:

I. Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные...?

... Деды, помню вас и я,...

...едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? - Страх
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

II. А уже не вижу власти сильного, и
богатаго и многовои брата моего
Ярослава съ Черниговскими
былями... Ти бо бес щитовъ съ
засапожники кликомъ плъкы
побѣждають, звонячи въ
прадѣдную славу.

А ты буй Романе и Мстиславе...
Высоко плаваеши на дѣло въ
буести, яко соколъ на вѣтрехъ
ширяся..., ... и многи страны ...
главы своя повръгоща подъ тыи
мечи харалужныи.

Ярославе, и вси внуце Всеслави...;
уже бо выскочисте изъ дѣдней славы.

Того стараго Владиміра не лъзѣ
бѣ пригвоздити къ горамъ
Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа
стязи Рюриковы, а друзіи Давидови;
нѣ рози нося имъ хоботы пашуть...

Заметим, что первые издатели *Слова* перевели последнюю строку следующим образом: "...их (стяги) носят на рогах, вспахивая землю". Разделял это комичное понимание (конъектура: "розьно ся" была предложена много позже) и В. А. Жуковский: "Нося на рогах их, волы землю пашут" (Жуковский 1954: 235), т. е. прежняя слава пришла в такой упадок, что обрывки знамен повисли на воловьих рогах. Вряд ли можно отрицать, что разительны как сами совпадения, так и их последовательность в приведенных текстах. Продолжим наш анализ. Нетрудно

заметить, что оба стихотворения — пушкинское и давыдовское — тоже написаны в жанре плача, но, в отличие от “Золотого слова Святослава”, — плача шутливового:

О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный Музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!

В этом отношении полезно привести рассуждения В. Э. Вацуро касательно эволюции творчества Дениса Давыдова. По мнению исследователя, после 1814—15 гг. в поэтическом творчестве Давыдова доминирует тема “интеллектуального пира”, что “решительно противостоит вызывающей примитивности пиров 1804 г.”. Далее он пишет следующее о давыдовской *Песне старого гусара*: “Эта ретроспектива уже тронута легкой иронией: не забудем, что “старые гусары” представлены как “председатели бесед”. [...]. После 1815 г. всерьез героизировать Бурцова уже невозможно” (Давыдов 1984: 19—20).

Следует также помнить, что сама “гусарская песня” как новое жанровое образование возникла на пересечении трех магистральных жанровых линий русской лирики: батальной, анакреонтической и сатирической (Скибин 1995: 2).

Как представляется, пародийное изображение Бурцова в качестве древнерусского витязя в стихотворении *Недавно я в часы свободы...* дает также некоторые дополнительные штрихи к нашему знанию о проявлении пушкинского юмора в кишиневский период жизни поэта. И. П. Липранди так пишет об этом: “Пушкин имел особый дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру. В. П. Горчаков должен

помнить, как Александр Сергеевич на ломберном столе, мелом, а иногда и особо карандашом изображал сестру Катакази, Тарсису — Мадонной и на руках у ней младенцем генерала Шульмана с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками и пр. Пушкин делал это вдруг, с поразительно-уморительным сходством” (Вересаев 1936, т. 1: 201).

В 1836 г., когда Пушкин, подготавливая критическое издание *Слова о полку Игореве*, работал над текстом памятника, у него была писарская копия тогда еще не изданного перевода В. Жуковского. Мы не можем утверждать, что в 1822 г. в Кишиневе Пушкину уже был известен этот перевод. Нет, однако, никакого сомнения в том, что ему уже был хорошо знаком сам памятник древнерусской литературы, патриотический пафос которого в полной мере обозначился в грозном 1812 г. Достаточно вспомнить хвалу атаману Платову из стихотворения Жуковского *Певец во стане русских воинов* (Жуковский 1954: 43):

Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.

Разумеется, известный минимум знаний об Игорева песне Пушкин должен был почерпнуть из лицейского курса российской словесности. Кроме того, отмечает Ф. Я. Прийма, интересу Пушкина к *Слову о полку Игореве* способствовал Оленинский кружок, с которым Пушкин сблизился после Лицея. В письме из Каменки от 4 декабря 1820 г. к Н. И. Гнедичу Пушкин благодарил А. Н. Оленина за “любезную благосклонность” — участие в художественном оформлении издания *Руслана и Людмилы* (Пушкин, Акад. изд., XIII: 28; Прийма 1984: 157). Как уже было сказано, именно в поэме

Руслан и Людмила впервые в творчестве Пушкина прослеживаются параллели со *Словом*. Безусловно, в этом сказалось также влияние истории Карамзина, первые 8 томов которой вышли в 1818 г. По словам Пушкина, который сразу же прочел их “с жадностью и вниманием”, “появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление. [...] . Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили” (Пушкин 1978, т. 8: 49). В 1836 г. при работе над *Словом* Пушкин подчеркивал: “Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей истории мимиходом разрешил некоторые загадочные места” (Пушкин, Акад. изд., XII: 147).

Известно, что сильным толчком к изучению отечественной истории послужило для поэта пребывание в Бессарабии. И. П. Липранди вспоминал о кишиневском периоде жизни Пушкина: “Постоянными посетителями были у меня: Охотников, В. Ф. Раевский, А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и нек. др. ...шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-нибудь дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительной историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь”. А. Ф. Вельтман, будучи в то время офицером Генерального штаба, занимался в Бессарабии (где в общей сложности провел около 15 лет) составлением топографических карт (Поэты 1820 — 1830-х годов 1972, т. 2: 203). Интерес к *Слову о полку Игореве* выразился у Вельтмана в литературном творчестве, в частности, в использовании заимствованных из

памятника выражений в романе *Кощей бессмертный*, опубликованном в 1832 г. (Троицкий 1988: 300—301). Кроме того, Вельтманом был подготовлен собственный перевод *Слова*, к которому в 1836 г. Пушкин сделал несколько пометок. Среди этих пометок есть, в частности, следующая: «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала. “Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян” (Г. Вельтман). Почему же? Но и тропа Троянова может быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется...“Вступила Дѣвою на землю Трояню, на синем морѣ у Дону”. Где же тут Бессарабия?» (Пушкин, Акад. изд., XII: 151) Не отголоски ли это прежних кишиневских споров, о которых так ярко вспоминает Липранди?

Согласно Липранди, В. Ф. Раевский в беседах с Пушкиным “утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас и то, и другое есть свое и. т. п.” (Мейлах 1974: 165). Под влиянием этих взглядов Пушкин в 1822 г. пишет *Песнь о вещем Олеге* и тогда же в Кишиневе набрасывает заметку *О французской словесности*, в которой, в частности, декларирует: “...но есть у нас свой язык; смелее! — Обычай, история, песни, сказки — и проч.” (Пушкин, Акад. изд., XII: 191—192). Позже он изменит свой взгляд, но только не о *Слове*: “...*Слово о полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности” (Пушкин, Акад. изд., XI: 268). Памятником же пушкинскому увлечению *Словом* в кишиневский период жизни поэта стал, по нашему мнению, пародийный *жесточкой ментик* знаменитого гусара-гуляки Бурцова.

Можно согласиться с А. А. Блоком, сделавшим следующую

запись в своем дневнике 1921 г. о 1821 г. Пушкина в поэтическом отношении: “ 1821. Кажется, пустой” (Блок 1982, т.5: 275). Но, как представляется, эти слова характеризуют только внешнюю сторону. На самом деле в душе поэта в это время шла серьезная внутренняя работа, оформлялись его историко-философские взгляды и, как показывают реминисценции из *Слова о полку Игореве* в стихотворении *Недавно я в часы свободы*, уже тогда Пушкину был свойственен глубокий интерес к этому выдающемуся памятнику древнерусской словесности.

Библиография

1. Блок, Александр. 1980—1983. Собрание сочинений в шести томах. — Л.: Художественная литература.
2. Вересаев В. 1936. Пушкин в жизни. Т. 1—2. — М.: Сов. писатель.
3. Виноградова В. Л. 1965—1984. Словарь — справочник “Слова о полку Игореве”. Вып. 1—6. — М. — Л.: Наука.
4. Давыдов, Денис. 1984. Стихотворения. Библиотека поэта. Бол. сер. — Л.: Сов. писатель, 2-ое изд.
5. Давыдов, Денис. 1987. Стихотворения. Проза. — М.: Советская Россия.
6. Давыдов, Денис; Дурова, Надежда. 1985. Дневник партизанских действий 1812 г.; Записки кавалерист - девицы. Сост., примеч. и пред. Л. И. Емельянова. Л.: Лениздат.
7. Друзья Пушкина. 1985. Переписка, воспоминания, дневники. В двух томах. Сост., биограф. очерки и примеч. В. В. Кунина. — М.: Правда.
8. Жуковский В. А. 1954. Сочинения. — М.: ГИХЛ.
9. Жукова М. Ю., Жуков К. А. 1996. *Жестокий ментик* в стихотворении А. С. Пушкина “Недавно я в часы свободы ...” / Русское

художественное слово. Многообразие литературоведческих и лингвометодических методов: Тезисы докладов международной конференции (СПбГУ, 3—7 июня 1996). — СПб. С. 19—21.

10. Зименко В. К вопросу о портрете Давыдова работы О. А. Кипренского // Искусство. Москва, 1959, № 4. С. 65—70.

11. Карамзин Н. М. 1991. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука.

12. Манзей К. 1859. История лейб — гвардейского гусарского его Величества полка, 1775—1857. СПб., ч. 1.

13. Мейлах Б. 1974. Жизнь Александра Пушкина. — Л.: Художественная литература.

14. Новиков И. 1951. Пушкин и “Слово о полку Игореве”. — М.: Сов. писатель.

15. Поэты 1820—1830-х годов. 1972. В двух томах. Библиотека поэта. Бол. сер. — Л.: Сов. писатель, 2-ое изд.

16. Прийма Ф. Я. 1980. “Слово о полку Игореве” в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. — Л.: Наука.

17. Пушкин А. С., Акад. изд. 1937—1959. Полное собрание сочинений. Т. I—XVII. — М. — Л.

18. Пушкин А. С. 1977—1979. Полное собрание сочинений. Т. 1—10, 4-ое изд., — Л.: Наука.

19. Пухов В. В. 1984. Денис Давыдов. — М.: Современник.

20. Сахаров В. И. 1988. “Слово о полку Игореве” в литературно-критических воззрениях А. С. Пушкина / “Слово о полку Игореве”. Комплексные исследования. — М.: Наука. С. 307—314.

21. Скибин С. М. 1995. Поэты — преображенцы и Денис Давыдов (жанрово — стилистическое своеобразие “гусарской поэзии”). Авт. д. дисс. М.

22. Словарь языка Пушкина. 1956—1962. В четырех томах. — М.: Гос. изд. иностранных и национальных языков.

23. Троицкий В. Ю. 1988. “Слово о полку Игореве” в творческом самосознании русских романтиков 20—30-х годов XIX в. / “Слово о полку Игореве”. Комплексные исследования. — М.: Наука. С. 293—306.

Стихотворение А. С. Пушкина
Недавно я в часы свободы ...
(к проблеме: Пушкин и *Слово о полку Игореве*)

Марина ЖУКОВА